

Карапет

7 секун

15 MIN
PARKING
8AM-6PM
EXCEPT SUNDAYS
AND HOLIDAYS

Давид Карапетян

7 секунд

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=15068553

ISBN 9785447435684

Аннотация

Главный герой оказывается в психиатрической лечебнице. Последнее, что герой помнит из своей жизни – смутные воспоминания о том, как он попал сюда. Практически сразу ему удастся понять, из-за чего он здесь – он видит «тени», темные сущности, кружащие вокруг него и влияющие на поведение людей и его самого. Скоро ему предстоит узнать, как далеко он способен зайти, чтобы узнать, насколько реально происходящее вокруг него... Вдохновением для написания данного рассказа послужили реальные события.

Содержание

Глава I	5
Часть I	5
Часть II	8
Часть III	14
Часть IV	17
Часть V	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

7 секунд

Давид Карапетян

По статистике каждые семь секунд один человек сходит с ума.

© Давид Карапетян, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава I

Часть I

Тьма заполняет собой мир, обволакивая его своей неосязаемой пеленой. Следом за ней, не отступая ни на шаг, идут два непримиримых врага – страх и свобода. Страх – фобии присущие только человеку, боязнь того, что свободно во тьме. Свобода в данной форме являющаяся порождением тьмы, прячущимся за ее пеленой. Кто из этих двоих окажется на его стороне, человек выбирает сам. Еще с давних времен хищники ночи охотились во тьме, порождая страх в беспомощных людях. И с давних времен, люди научились использовать темноту как преимущество, преуспев в охоте на себе подобных. Но одинок ли хищник во тьме, в этой субстанции максимально освобожденной от света, но от этого содержащей в себе не меньше энергии? Ведь говорят, что тьма сгущается, а значит она далеко не пуста.

Старое кирпичное здание психиатрической лечебницы, недавно пережившее ремонт, окруженное высокой белой стеной, мглой ночи и таинственным ореолом, было последним прибежищем для тех, кто иначе видел этот мир и не смог с этим справиться. Старый повидавший много дней и ночей флюгер на крыше недавно отремонтированного здания выглядел довольно неоднозначно на фоне сэндвич-панелей и пластиковых окон. Словно жестяная конструкция, выдавшая это строение в годы молодости, сама прилетела и решила здесь навсегда обосноваться.

Но куда больше железного петуха на крыше, о событиях обросших слухами могли рассказать только стены. Они слышали и видели слишком много и если бы они могли хотя бы говорить, то их опыта с лихвой бы хватило на несколько научных трудов или разоблачительных статей. Но, к сожалению, у стен есть только уши. И никто не хотел бы слышать то, что слышали они.

Внутри здания, среди находящихся там людей, попавших туда по собственному желанию, можно было пересчитать по пальцам одной руки. И наш герой, как ни странно к такому себя не причислял.

Молодой человек, лет двадцати пяти-тридцати на вид, несколько состаренный пережитым, сидел в палате на своей койке. Вокруг все спали, больным снились либо кошмары, либо пустота, летали они во сне или падали, сейчас Морфей принял их в свои объятия. Всех, кроме молодого человека с темными, коротко остриженными волосами, блуждающим взглядом не спавших двое суток глаз.

Поверх его неброской одежды был наброшен серый застиранный халат. Потрепанные темно-синие джинсы сливались с темной комнатой. Прижатые к груди колени, на которые сложены руки, недельная щетина и уже пожелтевший синяк под глазом, довершают образ нашего героя.

Если присмотреться к его глазам, то можно заметить, что они не бесцельно блуждают в темноте, а за кем-то наблюдают с нескрываемым страхом. Если увидеть мир так, как его видит он, то на первый взгляд все так же. Первое на что невольно обратишь внимание – это усилившиеся ощущение присутствия, чьих-то эмоций и еще чего-то, что подобно червю прогрызающему кору дерева, настойчиво закрадывается в голову. Потом присмотревшись и привыкнув к темноте, становится заметным то, что не все тени естественны. Два темных пятна движутся по комнате над спящими, словно акулы, плывущие в толще вод там, где свет с поверхности давно рассеялся.

Как и хищницы морей, тени копируя их манеру двигаться, перемещаются в темноте в поисках добычи. Они чувствуют единственного не спящего в этой комнате так же, как и он чувствует их. Его страх, против их ненависти, его бессилие, против их презрительных насмешек. Они подплывали слишком близко лишь за тем, чтобы увернуться от его руки, которой он вяло, безо всякой надежды, отмахивался от них. Они играли с ним, как кошка с мышкой. Его уставший организм, все с большим трудом оставался в сознании. Сознанию все сложнее давались попытки зацепиться за реальность, уходя в запутанный поток мыслей и их слов, что тени вкладывали в его голову. Полные злобы и ненависти голоса в его голове, сменялись на голоса преисполненные апатией, говорящие ему о безысходности ситуации и тщетности бытия.

Если бы он сейчас задумывался о происходящем, то невольно бы вспомнил тот факт, что мышшь перестает быть интересной для кота лишь тогда, когда уже не сможет играть в его садистскую игру. Но он не мог вспомнить даже то, что было несколько дней назад. Все, что он мог восстановить в своей памяти, превратилось в серую кашу из тьмы, бессвязных слов и неосознанного страха. И сейчас тени играя, сталкивали его судорожно цепляющийся за действительность рассудок во тьму беспамятства.

Никто не сможет ему помочь на данный момент, а мы лишь сможем пожелать пациенту силы духа и крепкого сна, с которым он так упорно борется. Но вот уже с каждым разом его глаза закрываются на все больший промежуток времени. И открыть их становится все сложнее...

Но, в общем-то, у него все не так плохо. Когда-нибудь он привыкнет к этому, да и лекарства, отводящие окружающий мир на второй план помогут ему. Здесь у него есть крыша над головой, трехразовое питание и забота со стороны персонала. Многие бы за это заплатили большую цену, чем он.

Тем временем, в просторном кабинете шефа данного заведения висели благодарности от семей «вылеченных» больных, грамоты и наградные листы. Посетитель сразу видел, что хозяин кабинета гордится своей репутацией и, скорее всего, вполне заслуженно. Дорогая, но сдержанная обстановка, несущая на себе ощутимый отпечаток семидесятых годов прошлого века, говорила в первую очередь о возрасте того, для кого этот кабинет являлся рабочим местом. На столе из красного дерева лежала ручка, которую надо было макать в чернила чтобы писать, ее золотой цилиндр ярко выделялся на его фоне, и чернильница, судя по виду, используемая довольно часто. Эти принадлежности резко контрастировали с черным прямоугольником жидкокристаллического монитора, мышью и клавиатурой. Эта молодежь в сфере работы с информацией не конкурировала, как того следовало ожидать, а мирно уживалась со стариками, которые сейчас в большинстве случаев служат лишь в декоративных целях. Настольная лампа, стоящая на столе, говорила о том, что главе лечебницы приходится часто задерживаться до темноты.

Полный, невысокого роста, с седыми редкими волосами, на блестящей в свете лампы голове, Винсент Морено, давно перешагнул тот возрастной рубеж, когда он мог, увлеченный работой, не спать сутками. Теперь организм требовал здорового крепкого сна, для нормального функционирования мозга. Поэтому Винсент нетерпеливо ждал, пока старшая из медсестер закончит свой запоздалый отчет на сегодня.

Энни, как ее называли коллеги по работе, была немного старше Винсента. Эта умная высокая худощавая женщина, в халате врача, выглядела как строгий доктор, который постоянно пугает детей своими поучениями и не терпит непослушания. На самом деле это был единственный человек в лечебнице, которому больные доверяли, если эти отношения можно назвать таковыми.

Может показаться, что эти двое, представители старшего поколения близки друг с другом, но за пределы рабочих их отношения не выходят, да и на работе они скорее находятся по разные стороны баррикад, чем сотрудничают. Возможно, когда-то в молодости их отношения были другими, но их жизни, непременно интересные могут занять страницы целого романа, причем жизнь каждого в отдельности. Но мир такая штука, что иногда один поступок, один день, оказывается важнее всего остального.

– Пациенты сегодня были спокойны. День прошел без эксцессов. На этом вроде все... – Беспристрастным голосом отчиталась Энни.

Она стояла перед письменным столом из красного дерева, такая прямая и ровная, что в плане формы и стол мог бы ей позавидовать, хоть он и был втрое моложе ее. Сложив руки в просторные карманы халата, Энни сверху вниз посмотрела на шефа.

– Ну, тогда можете оставлять дежурных и идите домой. – Винсент устало посмотрел на большие круглые часы, висящие над дверью. – Одиннадцать. Задержались мы сегодня.

Договорив, Морено встал из-за стола, задвинув за собой оббитый черной кожей стул. Энни поправив свои седые короткие волосы, с видом человека, который хочет начать неприятный для собеседника разговор, достала из кармана досье.

– Винсент, я хочу поговорить с вами по поводу больного доставленного пару дней назад. – Энни говорила спокойно, привычно, видимо не в первый раз этой женщине приходилось просить за кого-то из пациентов.

Винсент, направившийся к вешалке, стоящей в углу комнаты по правую сторону от двери, на которой висело его коричневое пальто, остановился и повернулся к подчиненной.

– А это не может подождать до завтра? По-моему, с ним все и так ясно. – Винсент машинально взял в руки досье и поправил очки. – По некоторым данным, в мире до десяти процентов людей с выраженными психическими расстройствами. И все особенные...

Он, из-под очков в широкой оправе, поучительным взглядом посмотрел на подчиненную.

– Хорошо, давайте завтра. Прочтите его досье. Жалко парня, молодой еще. – Ее усталый голос не изменил интонации.

Энни положила руки в карманы и направилась к выходу.

– Вы опытный врач, вы должны все понимать... Но я сделаю все возможное. – Сказал Винсент ей вслед и небрежно кинул досье на стол.

Он устал, и хочет идти домой, чтобы обнять уже немолодую жену и уснуть крепким сном. Пусть уже и без ужина и просмотра вечерних новостей. А Энни хотела занять его еще на час или два. Винсент уважает ее, как лучшую из своих сотрудников и как человека, но порой она кажется ему чересчур наивной и мягкосердечной. А, по его мнению, для ее возраста это странно, хоть она и женщина.

Когда-то в молодости, Винсент поддался воспоминаниям надевая пальто, ему все больные казались особенными, интересными и каждого из них он хотел изучить, понять, что происходит у них в голове. Молодой, амбициозный врач был любопытным человеком, его не особо волновали сами больные и их судьбы. А сейчас, то ли года берут свое, то ли опыт, как бы то ни было, все пациенты слились для него в одну серую массу, которую он называл работа, за которую ему платили.

Часть II

Днем после унылой и обязательной прогулки по небольшому парку, разбитому в больничном дворе, пациенты были предоставлены сами себе для реализации своего свободного времени. Конечно же, под неусыпным надзором няnek и медсестер.

Солнечный свет пробивался сквозь решетки настeжь распахнутых окон внутрь здания. Там, словно в лабораториях, вхолостую трудились просветленные головы. Созерцая окружающий мир сквозь собственную неповторимую призму, пациенты наполняли здание монотонными звуками собственных действий, которые перемежались плачем или смехом, вызванными тем, что нам не дано увидеть или почувствовать.

Детские головоломки становились для них сложнейшими задачами раскрывающими устройство мира. Победа в игре в шахматы с медбратом становилась сложнейшей целью всей жизни, где пешки храбро шли на смерть по двухцветному полю и где гибель даже самой незначительной становилась событием. А написание формулы, не имеющей конца, навязчивая идея которой не отступала от пожилого профессора с включенными волосами в больничном халате, превращалось в смертельную борьбу на истощение. Снова и снова заходя в тупик, он растерянно пытался наугад вставить верный символ и, каждый раз, оказавшись не в силах найти его, профессор словно переживал смерть близкого ему существа. И вина в этой смерти лежала только на нем.

Вот и сегодня серый пиджак, поверх больничного халата, рукава и локти которого синели от вытираемых ими ровных цифр и символов, оставляемых фломастером ведомым, что неестественно для его возраста, твердой рукой профессора. Очки, скрепленные проволокой на переносице, уже начали запотевать от его учащающегося дыхания. Как обычно, несколько братьев по несчастью собрались вокруг него, затем, чтобы заморожено наблюдать за его работой, словно он колдун пишущий древнее и обязательно могущественное заклинание.

Левее доски, за которой трудился профессор, можно увидеть вход в небольшую беседку, оборудованную для курильщиков, пристроенную к зданию лечебницы, в которой мерно работал вентилятор. В ней на деревянной скамье, прислонившись к стене из железного листа, сидел наш герой.

Дым, выдавленный из его легких, уносило за решетку окна, где он рассеивался, не выдерживая столь неожиданной свободы. Молодая и вполне симпатичная медсестра зашла в беседку, но пациент не обернулся на стук каблуков по металлическому покрытию пола.

Медсестра села напротив, ее точеная фигурка напоминала о том, что тут есть молодчики куда более крупного телосложения называемые санитарями, но к их услугам благодаря трудам медицинского персонала, прибегали редко. Зачастую санитары помогали по хозяйству или даже играли с больными в шахматы, баскетбол, пинг-понг и прочие игры, которые предоставляла лечебница.

Черные волосы с выцветающими кончиками, бледная с синими прожилками вен кожа, желтоватое лицо, выдавали болезнь, затаившуюся в ее хрупком теле. Присев напротив пациента, она изящно достала из пачки лежащей в нагрудном кармане тонкую сигарету и переводя взгляд с человека напротив на зажигалку, которую она достала другой рукой, медсестра закурила, глубоко втянув дым.

Пациент среагировал на звук, изданный зажигалкой, повернулся и посмотрел на девушку. Его взгляд выдавал бессонные ночи, но голова работала на вполне приемлемом уровне. Он окинул девушку взглядом, припомнил, что видел ее вчера, обратил внима-

ние на ее темно серые глаза и милое лицо, мысленно прикинул насколько она ему нравится и подвел итог:

«Куриль вредно, молодой и приятной девушке не стоит этого делать»

– Вы слишком много курите... – Сказала медсестра негромко, с еле слышимой хрипотцой в голосе, и стряхнула пепел в металлический мусорный бак.

Ее собеседник лишь бессодержательно ухмыльнулся. То ли она прочитала его мысли, то ли он на самом деле слишком много курит, забываясь в себе. Второе его мало волновало – никотин позволял хоть немного успокоить мыслительные процессы, непрерывно протекающие в его воспаленной голове, а состояние здоровья его не волновало, и если бы позволял организм и режим, он бы курил без перерыва. Присутствие медсестры, ее желание вести с ним беседу, радовало его и делало ее гораздо симпатичнее для его изголодавшейся по общению с людьми, в особенности противоположного пола, сущности.

– Делать нечего. – Бросил ей пациент небрежно и посмотрел в окно, наблюдая за небольшой юркой птичкой, скачущей по веткам большого дуба. – Это единственное лекарство, которое я могу и хочу принимать постоянно.

– А вы пойдите на тренировки, в баскетбол поиграйте. Хотя в настольный теннис. – Сопереживающим голосом говорила девушка.

От произносимых ею слов исходило тепло, которое он ловил всеми фибрами души, в противовес тому, что исходило от теней. Она снова затянулась и посмотрела на птицу, за которой наблюдал пациент.

Как бы ей хотелось юркнуть из окна и вместе с птичкой полететь туда, где тепло и нет забот. Довольно часто ей становилось не по себе от этой работы, и если б не ее жалость к этим людям, она бы давно отсюда ушла. Новый пациент был ей интересен и приятен, поэтому беседа с ним отвлекала ее от работы. Что-то в его тяжелом задумчивом взгляде, в котором отражались тяжелые душевные переживания, привлекало ее.

– Ваш голос успокаивает, Ирэн... Может быть и пойду. – Он затушил окурок, и, достав из кармана пачку, в которой осталось всего лишь три сигареты, жестом попросил ее прикурить, медленно и глубоко затянулся. – Когда привыкну.

Ирэн не хотела, чтобы этот пациент снова курил, ведь он курил без остановки, но она понимала, что это не худшее, что человек в его состоянии способен сделать.

– Занимайтесь, слушайте докторов, и вам привыкать не придется. Мне кажется, вас быстро выпустят. – В ее тихом голосе, звучал призыв, который возможно не остался не услышанным.

Она нежно посмотрела на него, по крайней мере, так ему казалось.

– Нет, здесь мне даже спокойней. Может я и сошел с ума. – Он глянул за окно, но птичка уже улетела. – Тогда я здесь надолго...

Новая волна задумчивости нахлынула на пациента. Глаза потеряли слабый отблеск жизни, невидящий взгляд снова уперся в одну точку, а руки уперлись в наморщенный лоб. Недокуренная сигарета тлела опасной близости от волос. Продолжая сидеть, повернувшись к окну, уперев локти в подоконник, он не заметил, как девушка встала и, затушив сигарету об урну стоящую рядом, заговорила с кем-то.

Его размышления были оборваны строгим мужским голосом, человека старшего возраста. Это был Винсент Морено.

– Коул Хоки?

Отвлекаясь, Коул не обернулся, он лишь убрал руки ото лба.

Хоки обдумывал то, что ему предстоит делать сейчас. Ведь каждое его действие и слово будет воспринято этим человеком, как критерий для оценки его психологического состояния. А пока Коул по голосу пытался понять, что за человек говорит с ним. Говорящему было

больше пятидесяти лет, он имеет власть и ожидает от Коула покорности, скорее всего он здесь главный.

«Ну что ж, попытаюсь сыграть по вашим правилам» – подумал Коул.

– Допустим. – Не оборачиваясь, произнес Хоки, ожидая перемены тона в голосе пришедшего.

А взглядом Коул ждал, что птичка вернется, и отвлечет его от всего, что происходит у него в голове и за ее пределами. Он ждал эту птичку, как, наверное, не ждал никого до этого. Только она приносила на своих маленьких крыльях покой. Где она сейчас? Не заклевал ли маленькую синичку ястреб? Эти вопросы волновали сейчас Коула, гораздо больше, чем его будущее, кажущееся ему таким же пустым, как и прошлое.

– Меня зовут Винсент Морено. Я глава этой лечебницы. Есть какие-нибудь жалобы? Вас все устраивает? – Неожиданно для Коула, голос стал мягче в тот момент, когда он задал вопросы.

«Значит, будет пытаться взять на доверие. Кнут и пряник. Потом меня ждет кнут.» – решил Хоки, и сжал руки в замок.

Винсент решил, что еще один молодой наркоман попал не по назначению и искоса посмотрел на Энни стоявшую справа. Опять она борется за тех, кто недостойн даже такой жизни, по мнению Морено. Он машинально поправил серый галстук, который сместился с предназначенного ему места.

Коул лишь улыбнулся сам себе, увидев, что птичка снова вернулась, держа что-то зеленое. Это была гусеница, которая еще извивалась, будучи зажатой в клюве. Эта гусеница могла бы стать бабочкой, но ей суждено стать пищей для синицы. Но Коулу не было жалко ее, если бы он мог, то отдал бы этой птице всех бабочек на земле и не секунды бы не жалел об этом. Глава лечебницы никогда бы этого не понял, даже в переносном смысле. Хоки чувствовал это по его безразличию, сквозящему в голосе, которое ему не удавалось скрыть.

– Хорошо. – В голосе Винсента появилась нотка «я так и знал». – Вы говорите, что видите демонов?

– Может быть не демонов, тени просто тени. Я сорвался тогда, много чего наговорил. – Коул говорил так, словно рассказывает другу историю, которая недавно с ним приключилась, сначала она казалась ему грустной, но к моменту разговора стала забавлять его.

Хоки помнил только то, что было после того, как он оказался в лечебнице. Помнил, что много говорил и кричал, вырывался из рук санитаров, но он не помнил, что именно и зачем. К тому же Коул не собирался сходу раскрываться перед этим человеком, хотя бы в плане личностных качеств.

– Вы помните, что случилось, что послужило причиной срыва?

Винсент произнес это все тем же участливым голосом, но сам представил, как молодой человек, сидящий перед ним, вкалывает себе в вену очередную дозу в каком-нибудь грязном притоне наркоманов.

– Нет. Ничего, смутные воспоминания. – Коул замолчал на секунду, проведя рукой по подбородку. – Помню только тени.

Птичка, перескакивая с ветки на ветку, скрылась в зеленой листве. Она была так близко, нужно было всего лишь выйти во двор и, взобравшись на дерево протянуть руку. Но Хоки к своему разочарованию понимал, что это лишь напугает птичку, и она, взмахнув крыльями, улетит и возможно не вернется. А этого ему хотелось меньше всего. Лучше он будет наблюдать за ней издали, убив в себе всякую надежду приблизиться к ней, чем напугает ее и вынудит улететь от него подальше.

– Тени? – Голос сделал попытку показаться заинтересованным. – Объясните?

– Что тут объяснять, если вы мне не верите... Да и я сам начал сомневаться. – Фразы Коула стали обрывочными, а голос тише от мыслей о маленькой птичке.

Синица снова оказалась в поле зрения Хоки, который моментально перевел на нее все свое внимание. Глаза Коула «прыгали» вслед за ней по могучим ветвям старого дуба, пробегая сквозь листву к краю его кроны. Хоки почувствовал, что снова остался один, когда птичка улетела. Теперь он один на один с этим человеком, с тенью, чье неминуемое приближение он чувствовал.

Когда Коул обернулся, он увидел, что с ним разговаривал невысокий полный мужчина с редкими седыми волосами, усердно зализанными назад, который был одет в строгий серый костюм, такой же, как и его взгляд. По левое плечо от него, Коул заметил тень – темное мрачное пятно, отдаленно напоминающее силуэт человека. Он слышал ее шепот, негромкий, шипящий. Но сейчас Коул не мог разобрать его. Возможно из-за того, что тень шептала на незнакомом ему языке. За темным силуэтом, в миллиметрах от него, стояла медсестра, которая только что разговаривала с Коулом. По правое плечо стояла Энни, добрая старушка с лицом святой. Хоки сразу заметил, что тени стараются держаться от нее подальше, словно теплый еле уловимый свет, исходящий от нее обжигал само их существо. Не была исключением и та тень, которая постоянно приходила к профессору, она шептала ему на ухо, заставляя писать формулу, у которой не было завершения и смысла, и когда тот заходил в тупик, злорадно смеялась над ним. Если Энни подходила близко или пыталась заговорить с профессором, тень отходила в сторону, старичок приходил в себя, зачастую срываясь в истерику, но не в такой сильной, как та до которой доводила его тень.

Хоки не видел на теньях их эмоций, но он чувствовал их, что-то темное исходило от них. Иногда Коулу казалось, что он видит их искаженные, застывшие в одном выражении лица. Ощущение присутствия теней, давило на него, медленно лишая способности свободно мыслить. Лишь черные посторонние мысли гудели в голове, сводя его с ума.

Вот и сейчас Хоки чувствовал, знакомое ощущение, которое исходило от тени, стоящей рядом с Винсентом. И сейчас, исходившее от тени было направлено против Коула. Он чувствовал это не только по тени, но и во впечатлении, складывающемся от общения с этим человеком.

– Так вы попробуйте. Тогда мы сможем помочь вам. – Винсент улыбнулся отточенной до блеска хищной улыбкой профессионала.

Коул медлил. Но его желание того, что тени уйдут, что он станет свободным от этой ноши, возможно, что он вспомнит кто он такой, подталкивало его к одному, пугающему его решению. Все это вкупе с надеждой, которая никогда не сдается, заставило Хоки пойти навстречу этому человеку. Надежда страшная штука когда она таится в сердце запутавшегося человека, она безжалостно заставляет его совершать поступки, о которых тот вскорости пожалеет.

– Как вам объяснить. Видите человека пишущего формулу изо дня в день? – Коул указал на профессора, близившегося к завершению своей работы, который был подобен Сизифу, каждый день пытающемуся поднять камень на вершину горы. – К нему каждый день приходит тень, она или оно, заставляет писать его эту чертову формулу. Оно уходит, только тогда когда он не может довести ее до конца и впадает в истерику... и еще тогда, когда к нему подходит Энни. Тени боятся Энни. Не знаю почему.

Коул машинально бросил взгляд на Энни, но тут же попытался его скрыть от этого человека. Энни с жалостью смотрела на Хоки, но его размеренная речь и взвешенные обдуманные слова, заставляли уголки ее губ медленно приподниматься.

Нечасто больные могли наглядно продемонстрировать оправдание своему недугу, и если такое случалось, то на это было интересно смотреть. Ведь, как полагал Винсент, их болезнь есть ничто иное, как защитная реакция на вышедшие из-под под контроля человека побуждения. Зачастую оправдание больным своей болезни – это ключ, способный

если не открыть полностью, то хотя бы приоткрыть дверь в пучину происходящего у него в голове.

— Да. Но уже поздно... Вот. Смотрите, сейчас он начнет рыдать, а тень, злорадствуя, уйдет. — Увлеченно, указав пальцем, говорил Коул.

За открытой дверью, было видно, как профессор трудился над своей формулой на белой доске, стоящей посреди холла. Он начал лихорадочно дописывать цифры и буквы невпопад, словно пытаясь попасть наугад. Потом он с силой швырнул в доску фломастер и, опустившись на колени, заплакал. Тень медленно растворилась. Фломастер откатился под ноги одной из медсестер. Больные, наблюдавшие за работой профессора, начали вяло разбредаться, а Энни и медсестра бросились к профессору.

— А как вы понимаете, что тень... злорадствует? — Недоверчиво спросил Морено, который надеялся, что пациент оправдает его надежду.

— Я чувствую это. Так же, как я чувствую то, что стоящая рядом с вами тень, настроивает вас против меня. — Резко изменившимся голосом сказал Коул, спокойно, но твердо чекана слова.

Коул глянул на тень, чуть правее Винсента. Морено от пристального взгляда Хоки машинально обернулся, недовольно осознал, что от слов Коула, от того как они были произнесены, и взгляда этого пациента, по его коже невольно пробежал холодок и сжалось что-то внутри. Давно никто не мог вызвать у него того же ощущения, которое вызвал Коул. Глаза Хоки полные внутренней силы и уверенности в этот момент, заставили главу лечебницы на мгновение поверить в то, что он сказал. Но обратная реакция не заставила себя ждать.

— То есть вы считаете, что я тоже болен? — Не скрывая возникшее недовольство, Винсент пошел в атаку.

Пациент начал переходить на личность Морено, а это главе лечебницы никогда не нравилось. Какие-то умалишенные, постоянно пытаются сравнить его, авторитета психиатрии, с собой, а то и того хуже.

— Не обязательно. — Коулу сразу не понравился этот человек, а теперь он начинал нервировать его.

— Нет, так и есть. Вы видите тень рядом с больным профессором и рядом со мной. Значит, я тоже болен? — Винсент неожиданно для себя начинал злиться.

Тем временем профессора увели, и Коул не видел ни его, ни Энни, ни Ирэн. Лишь белая доска испещренная цифрами и буквами сверху донизу, с выделяющейся на ней жирной последней полосой, пересекающей половину доски от середины, нижний край линии, словно сбитый самолет, делает крутое пике вниз и упирается в железный обод.

— Я же сказал, не обязательно, тени и к нормальным людям приходят, я же вижу их всегда. А вы не слышите меня, сейчас вы полностью во власти тени... — Коул насмешливо смотрел на Винсента, он не мог скрыть этого, видя, как Морено, манипулирует тень, которую тот отрицает.

Винсент был взбешен. Чтобы скрыть это, он с остатками вежливости попрощался и увел с собой Энни. Быстрыми, насколько позволяло его физическое состояние, шагами он направился в кабинет. Какой-то ненормальный, насмехается над Морено. Так этот больной не просто смеется, как умалишенный, он издевается, ведя свою хитроумную и сумасшедшую игру. Каблуки его новых лакированных черных туфель громко стучали, ударяя по белой плитке коридора, но Коул их не слышал, он сидел в беседке и курил, ожидая, когда вернется маленькая птичка, пытаясь не слышать шепот в своей голове.

Вернувшись в свой кабинет, Винсент с недовольной grimасой сел за стол. Достав из кармана халата очки, он надел их и принялся за бумаги, чтобы хоть как-то скрыть от Энни выражение своего лица. Впервые он почувствовал, что был не прав в отношении больного, но его разум принял решение.

– На терапию его! – Резко выпалил он, сделав жест рукой, как главнокомандующий отдающий приказ.

Почему-то мысль о том, как припекут этого наглеца его подчиненные, обрадовала Винсента и такое развитие событий, предвещало хорошее настроение на весь день.

Энни была удивлена таким поведением шефа, хотя знала, что он иногда перегибает палку.

– Но ведь... – Пыталась остановить его Энни.

– На терапию, я сказал! – Винсент, как и положено главнокомандующему, был непреклонен.

Любые сомнения в своей неправоте были уничтожены в этом человеке ощущением собственного превосходства над другими, власть как ей и положено душила любое неповиновение.

– Дайте мне время, и я докажу, что ему не нужна терапия. – Энни настаивала на своем, у нее были свои доводы заступиться за этого человека.

Во-первых, она не понаслышке знала, что такое терапия, и старалась, оттянуть ее применение на самый крайний срок. Во-вторых, она видела некоторые закономерности в словах молодого человека, Энни относилась к его виденью теней, к способ интерпретации воспринимаемого им, через призму психологической травмы. В-третьих, она чувствовала персональную ответственность за каждого больного, будто они вручили ей свои жизни.

– Он попадет на терапию, а потом делайте с ним, что хотите. – Строго сказал Винсент и уткнулся в свежую газету.

Энни нахмурила брови и с серьезным видом вышла.

Его глаза пробежали по первым строчкам газеты, но слух был полностью сосредоточен на Энни. Ее недовольный выдох и твердые шаги, победным маршем прозвучали в голове Морено.

«Выпендривайся сколько хочешь, следуй своим наивным идеалам, но решения здесь принимаю я» – думал Винсент улыбаясь.

Когда двери захлопнулась, Коул смог бы увидеть, как темный силуэт по левое плечо главы лечебницы растворился в воздухе.

«С каждым годом этот старый козел все больше проявляет свои садистские наклонности. Пусть он издал принятые многими труды по психологии и психиатрии, пусть его лечебница лучшая в округе, пусть он будет хоть бог среди психиатров, это уже перебор» – чеканя шаг каблуками по паркету, Энни думала, как остановить своего начальника.

Часть III

Как бы то ни было, Коул попал на то, что Винсент называл терапией. Месяц жизни был выбит из его памяти. А все из-за того, что он боролся. Видя вокруг тени, направляющие его палачей, Хоки смеялся над ними. Дни тянулись для него длинной цепочкой кадров черно-белого кино.

Среди всего того, что он так и не смог запомнить и осознать, Коул ощущал полную фантастичность происходящего. Казалось, ему приснился кошмар, который, как и положено сну быстро растворился в памяти, оставив только неприятные ощущения.

Однажды проснувшись утром в холодном поту, Коул понял, что кошмар закончился и вслед за ним ушли тени. Но последствия реальности кошмара были на лицо. Его память потеряла цвета, исчезали ощущения. С каждым днем становилось все сложнее вспомнить то небольшое, что было в его памяти. Пустота заполняла его изнутри, и он не мог ничего с этим поделать. Даже звучание собственного имени стало чужим. Но легче не становилось – пустота не приносит легкость.

С разбитым, но неизменным сознанием Коул погрузился в себя, окружающий мир стал для него лишь слабым фоном для того, что происходило у него в голове. Но и там где царил полный бардак, осколки реальности сливались в один большой коллаж с тем, что преподносил ему больной разум.

Он уже не отличал сон от реальности, когда его вернули в привычные для него палаты. Единственное, что отпечаталось в его памяти – посветлевшее лицо профессора, в тот момент, когда с ним беседовала Энни.

Профессор пошел на поправку. Теперь он больше не стоял у доски. Его можно было увидеть за непринужденным разговором с кем-то из персонала или больных. Но каждое утро его можно было увидеть в саду. С небольшой пластиковой лопаткой, стоя на коленях перед очередным цветком, он разрыхлял землю, подсыпал удобрения, вырывал сорняки. Хмурость на его лице, сменилась безмятежностью.

Профессор оказался веселым и жизнерадостным человеком, и медперсонал ломал голову над тем, что довело его до такого состояния. Однажды, когда медсестра задала этот риторический вопрос Энни, та лишь слабо улыбнулась и грустно посмотрела на Коула, который, опустив голову, направлялся к своей кровати.

Коул окончательно замкнулся в себе, его постоянным местом дислокации стали курилка и подоконник, на котором он сидел в непогоду. И причиной тому стала не терапия. Даже в полубреду, он смог осознать, что не видит теней и сумел обрадоваться этому. Но когда Коул пришел в себя, он понял, что это был лишь краткосрочный побочный эффект.

Потертый пластиковый подоконник стал Коулу домом, это был его маленький уголок, и никто не пытался влезть на него, без молчаливого разрешения хозяина. Но немое согласие, которым он одаривал каждого желающего, выражало лишь безразличие, не являясь ни утвердительным, ни отрицательным ответом.

Он больше не смотрел на солнце, а птичка, единственное живое существо, которое привлекало его внимание, больше не появлялась. Маленькая синица приходила к нему во сне. Каждый день Коул ждал эту птичку, последнее в окружающем мире, к чему он был привязан. Хоки не ждал того, что за ним придут те, кого он не помнил, он не ждал исцеления, он не ждал нового дня, Коул ждал лишь маленькую птичку, словно возлюбленную.

Каждый день Хоки ждал и пытался вспомнить кто он такой. Каждый раз все те же мысли приходили ему в голову и одинаковые решения завершали мыслительный процесс. Кто-то из пациентов пропадал навсегда, кто-то новый приходил, кто-то приходил к нему, но общей картины это меняло. Вся жизнь слилась в одно мгновение. Быть внутри мгнове-

ния – быть вне времени, там нет прошлого, будущего, настоящего. Мгновение самый короткий промежуток времени, но благодаря этому он бесконечен и выходит за пределы разума. Коул ждал, когда что-то изменится, и он сможет вырваться из черно-белой темницы одинаковых дней.

Тень, которая приходила к профессору, ушла, покрутившись вокруг Энни. Однажды тень привела за собой одна из медсестер. На следующий день та была в плохом настроении, и Коул видел, как ее утешала Энни. Дни шли быстро, и Коулу казалось, что целый день укладывался лишь в одно событие, которое запечатлевала его память.

Одним обычным и серым утром, к каким Хоки привык, он сидел и курил на подоконнике, пуская облачка дыма, вслед за ветром. Порывы холодного воздуха безжалостно разрывали эти облачка, небрежно играя их нежными телами.

В холл вошла Энни держа за руку молодую девушку, с помутненным взглядом ее разноцветных глаз. Слабыми шагами безвольно та следовала за ней. Весь ее вид говорил о трагедии, о том, что она сломлена и неспособна дальше бороться в этом мире, построенном на конкуренции. Что-то произошедшее с ней было выше ее сил.

Коул заметил девушку, когда Энни, что-то ей сказав, отпустила ее руку в центре холла. Девушка приподняла глаза и осмотрелась. В этот момент их взгляды пересеклись и Коул на секунду замер, поддавшись непонятному для него наплыву чувств, а девушка как ему показалось, даже не заметила его. Она, словно ребенок только научившийся ходить, направилась к углу холла, который был дальше всего от остальных, дверей и окон.

Вернемся к тому, что увидел Коул. Молодая девушка, старше двадцати, если сделать поправку на то, что произошедшее с ней возможно состарило ее. Каштановые волосы, спадали ей на лицо и плечи, потускневшие и непослушные. Помутненный взгляд ее разноцветных глаз, один из которых виделся Коулу словно темное небо перед штормом, а второй темно зеленым, подобно цвету бушующего моря. Хоки содрогнулся, когда увидел в этом взгляде печать теней, их темные сущности были там, в глубине ее взгляда, на искаженном лице. В общем, она бы даже в хорошие дни, не смогла бы заставить его обратить на себя слишком много внимания, разбитая незаурядная, даже отталкивающая внешность, какой он ее видел. Но один мимолетный взгляд сделал то, чего не смогла сделать внешность – выжег у него на душе клеймо, которое способно выжечь душу любому, кому посчастливится заполучить подобную печать.

Коул отвлекся от повседневности, что-то новое ворвалось в его жизнь. Он впервые заинтересовался кем-то из окружения – Хоки не мог даже на секунду запомнить ее искаженного его восприятием лица, а глаза, один, словно мрачная туча, другого цвета бушующего моря сквозь которые пробивался луч света, вызвали в нем дрожь и по его коже пробежал холодок.

Девушка, потупив взгляд, сидела в углу, и Коул заметил, что ничто не способно привлечь ее внимания и иногда она пускается в пространные беседы с собой. Но во время таких бесед ее лицо, то ли от освещения и солнца периодически скрывающегося за тучами, то ли из-за эмоций выплескивавшихся вместе с тихими почти беззвучными словами, вместо голоса отражающимися на лице, искажалось еще сильнее, становясь темным пятном на фоне бежевой стены.

Когда, ближе середине дня, Энни в очередной раз проходила мимо него, Хоки подозревал ее к себе, немало этим удивив.

– Коул, вам стало лучше? – Не скрывая радости, несколько громче, чем обычно, спросила она.

Ей было искренне жаль этого молодого человека, и то, что он заговорил впервые после терапии, да и с таким оживлением, говорило ей об изменениях, и, судя по его предыдущему состоянию, изменения могли быть только в лучшую сторону.

Хоки иногда снился ей. Черная комната и единственное окно, без занавеси, за которым виднелось лишь хмурое небо. И его силуэт на фоне неба, смотрящий вдаль. Темные непослушные волосы, даже коротко стриженные, торчали во все стороны. Энни пыталась подойти к нему и утешить, но как бы она не пыталась приблизиться к нему, он все отдалялся от нее.

– Да мне всегда было лучше некуда... – Ухмыльнулся Хоки. – Эта девушка... что с ее лицом?

Он еще не понял, что девушка подняла в нем бурю давно позабытых чувств. Но Энни видела, как загорелись его глаза, взгляд стал осмысленным, а уголки губ приподнялись, придавая выражению его лица, слабое подобие оживленности.

– Вы про глаза? Гетерохромия, ничего страшного. – Энни улыбнулась. – Вас заинтересовала девушка? Вы никогда не были столь оживленным...

– Нет. Я спрашиваю про ее лицо, мне кажется оно изуродовано... – Коул посмотрел на девушку, ее лицо казалось было составлено из нескольких лиц, сумасшедшим пластическим хирургом, и тени блуждающие по нему, не давали ему запомнить и даже отчетливо увидеть ее лицо. Лишь темный взгляд был неизменен.

– Нет же. – Энни удивленно посмотрела на девушку, потом на Коула. – Все в порядке. Лицо симпатичной молодой девушки. Я подумала, вас заинтересовала...

– Точно? Вы мне не врете? Ничего не хотите скрыть? – Его голос зазвучал громче обычного.

Коул сам удивился тому, как оживленно и серьезно он задал этот вопрос. И он потупил взгляд, сложив руки на груди.

– Точно. Вы можете мне доверять. – Столь же серьезно ответила Энни.

– Да, я знаю. – Коул вновь задумчиво посмотрел на девушку. – Мне кажется... я чувствую, я смогу ей помочь.

Новоприбывшая пациентка сидела в углу, и осматривала холл исподлобья так, что ее лица практически не было видно за спадающими на него, спутанными каштановыми волосами. Видимо исходящая от нее мрачность пугала пациентов, и рядом с ней постоянно было пусто. Лишь иногда кто-то из больных обращал на нее внимание, но встретившись с ней взглядом, нервно отводил глаза.

– Надеюсь. Как вы помогли с профессором. Тень ушла? – Сбивающимся голосом произнесла она смотря на девушку, с профессионально привычной болью на сердце, но от того не менее неприятной.

Энни чувствовала, что сама верит в это, и отчего-то ей самой становилось легче, ее не волновало то, как Коул помог профессору, было важно то, что он реально ему помог.

– Да. Повертелась около вас, и ушла. – Эти слова Коула взволновали Энни. – Но она может вернуться. Не она, так другая. Знал бы я о них больше... Какой у нее диагноз?

– Болезнь Блейера. – Машинально сказала Энни и, осекшись, добавила. – Шизофрения.

– Хорошо, я подумаю... – Коул погрузился в свои мысли.

Энни пошла дальше и Хоки сказал ей в след:

– Принесите мне что-нибудь научное по этой теме... Библию принесите, если возможно. – Сказал он, и подозвал медсестру, чтобы она дала ему прикурить.

Обычно Коул прикуривал сигарету от еще тлеющей сигареты, но увлеченный общением с Энни, он не заметил, как потух огарок у него в руках.

Он не знал что делать, первое, что пришло ему в голову, это то, что он слышал, будучи уже в лечебнице про Библию и ее отрывки, которые иногда произносил кто-то из больных или персонала. Хоки считал, что желание помочь этой девушке возникло спонтанно, он хочет ей помочь, чтобы помочь себе. Наполовину Коул был несомненно прав.

– Хорошо. – Ответила Энни и, бросив взгляд на девушку, пошла дальше.

Часть IV

Решив, что он сможет найти какую-либо информацию в религии, ведь наука, молча, констатировала тот факт, что все, что он видит лишь плод его больного воображения, невзирая на взаимосвязь его суждений с реальностью, Коул принялся жадно читать Библию. Несколько дней пролетели за кропотливой и уже непривычной его мозгу работой. Иногда, задумавшись, Хоки негромко произносил одну единственную фразу, засевшую у него в голове.

– Легион. Имя мне Легион...

Коул оценивал, сравнивал, спрашивал, пытаясь выстроить, целую картину из тех лоскутов, что были у него в руках.

В итоге он решил действовать с расчетом на то, что все, что он видит реально. Ведь он как-то помог профессору, шанс на то, что это было лишь совпадение, по мнению Коула, был крайне низок. Значит, огромный мир недоступен человеку и лишь не многие получают в дар или проклятье способность заглянуть в него. С учетом неприспособленности человека к реалиям и законам того мира, тот является опасным для людей. Хоки решил, что все религиозные наставления это не только выбор стороны, по которой придется идти, но еще и подготовка. Но дальше рассуждений дело не дошло, да и уверенности ему это не прибавило. Тогда Коул решил довериться интуиции.

Погрузившись в чтение, в своей палате, в которой спало еще семь пациентов мужчин, которых он просто не замечал и даже не знал, Хоки не слышал, в потоке разговоров о том, что девушка набросилась на медсестру. Хотя Коул не интересовался новостями в этом каземате сумасшествия, ни происходящими снаружи, ни внутри его стен, новости об этой девушке, несомненно, привлекли бы его внимание. Вернувшись в холл, Коул заметил ее в том же месте, только руки у нее были в синяках.

Больших усилий ему стоило решиться на этот поступок. Энни была здесь и она заметила его переживания. В этот вечер в холле было мало персонала, что было только на руку Хоки.

Хмурый, с Библией в руках, он для начала узнал у одной из медсестер, имена которых он не запоминал, как зовут девушку, а потом подошел к ней и сел на пол напротив нее. У него был вид изгоняющего дьявола, но, в общих чертах, именно это Коул и собирался сделать. Тяжелым шагами он приблизился к сидящей в углу. Девушка не обратила на него никакого внимания.

– Джилл? – Спросил он негромко.

Но она словно не слышала его слов, перебирала волосы в руках, о которых в силу возможности заботился медперсонал. Джилл сидела, уставившись в пол. А Коул чувствовал нарастающее возбуждение, он почувствовал себя в игре, ощущал чем-то внутри, что может помочь ей. Теперь Хоки был не просто наблюдателем. Его волновало только отсутствие знаний и опыта, но и терять Коулу, как ему казалось было нечего.

– Легион? Тебя зовут Легион? – Внимательно смотря на нее, спросил Коул, но осознание наивности того что он сейчас делает, заставило его на мгновение остановиться.

Но на этот раз Джилл подняла взгляд и исподлобья посмотрела на него, словно даже для нее он казался сумасшедшим.

– Так, значит близко? – Вновь набравшись уверенности, спросил Хоки.

Одна из медсестер, на которую вчера напала Джилл, собралась попросить его уйти. Но ее остановила Энни, наблюдавшая за ним все это время. Она стояла в противоположном конце комнаты, опершись о стену, рядом с тем местом, где любил сидеть Коул в непогоду.

Взгляд Джилл помрачнел еще сильнее, теперь в темных тучах проскакивали искры молний, предвещая бурю.

– Сколько вас? – Коул говорил спокойно, но полностью скрыть волнение ему не удалось.

Никакой реакции, но это уже не смущало его.

– Какие ваши имена?

Она все так же смотрела на него, сверля взглядом так, что Коул почувствовал, как ее рука сжимается у него на горле и ему стало не по себе.

– Не притворяйтесь. Я вас вижу. Я знаю, чего вы хотите. Я знаю, что вас трое. И сделаю все, чтоб вы оставили ее в покое. – Коул начинал сердиться и с силой захлопнул книгу, которую машинально открыл перед тем, как заговорить с девушкой.

– А ты не боишься? – Низким голосом спросила она.

– Устал уже. – Небрежно ответил Хоки, обрадовавшись тому, что его попытки увенчались успехом.

– Да ты знаешь, что такое страх? – Она говорила, не меняя выражения лица, все так же смотря на Коула немигающим взглядом.

– Догадываюсь. Но тому, кто верит в Бога нечего бояться, не так ли мой друг? – Он дружески улыбнулся.

Джилл подняла голову, но не проронила ни слова.

Я... – Начал было Коул, но был оборван ей.

– С чего ты взял, что Библия, угодна Богу? С чего ты взял, что он вообще существует? – Теперь голос был выше, видимо в беседу включилась другая тень.

– Богу угодна вера. А раз есть такие как вы, то есть и то, что стоит против вас. – Коул чувствовал себя уверенно как никогда. – На каждое действие есть противодействие.

– Да?

Джилл рассмеялась хриплым почти мужским смехом, от которого по телам медперсонала находящегося рядом пробежал холодок, а больные приковали свои взгляды к Коулу и Джилл, сидящим друг напротив друга в углу, и могло показаться, что они играют в игру – «правда или действие».

– Да. – Твердо сказал Коул, он понимал, что сомневаться нельзя.

– Ты умрешь! – Не своим голосом крикнула Джилл и истерически рассмеялась.

Чьи-то сильные руки быстро оттащили Коула в сторону, а Джилл санитары схватили за руки, приготовив успокоительное. Хоки не пытался сопротивляться, понимая, что на сегодня он уже сделал все, что нужно. А Джилл никак не реагировала на происходящее, продолжая немигающим взглядом смотреть на Коула.

– Все мы когда-нибудь умираем. – Ответил он, обращаясь к той из теней, которая с ним говорила и ко всем теням сразу, вырвавшись из рук медсестер.

Энни быстрыми шагами подошла к Коулу и произнесла короткое:

– Пошли, Хоки.

Повела его прочь, в свой кабинет.

Коул сидел в кабинете Энни, в котором царил минимализм, и видно было, что его владелец, редко в нем бывает. Лишь потертая рамка, обращенная тыльной стороной к Коулу, привлекла его внимание. И ни одной пылинки.

Энни, закрыв дверь, села напротив него за деревянный маленький столик, с потрескавшейся выцветавшей эмалью.

– С вами все в порядке? – Энни села на свое рабочее место.

– Да. – Коул нахмурился, обхватив подбородок левой рукой, а правой проведя по глазам, будто не выспался.

Он обвел взглядом кабинет, словно ища что-то. Хоки искал предмет, на котором можно было бы заострить внимание. Не найдя такового, он перевел взгляд на руки Энни, постаревшие заботливые руки, которые давно должны уже по мнению Коула нянчить внуков.

– Вы первый кто смог вызвать в ней, персональную ненависть... – Сиплым голосом произнесла Энни и откашлялась.

– И? – Вышел из состояния задумчивости Коул, убрав руки от лица.

– Вы что-нибудь поняли? – Энни говорила с надеждой в голосе.

– Почему вы мне доверяете, не относитесь, как психу? – Коул посмотрел ей в глаза.

Не найдя куда деть руки, он привычно положил их в карманы.

– Хоки, за время своей работы, я поняла, что... некоторые... психи, понимают не меньше чем остальные, а возможно и больше. – Энни печально улыбнулась. – А вы еще можете более или менее здраво рассуждать.

– Надеюсь на это. Не буду спрашивать вас о той грустной истории, которую вы сейчас вспомнили. Давайте тогда без формальностей, прямо, дружески? – Коул расслабился от общения единственным человеком, которому он доверял и откинулся на спинку стула.

– Давай. – Приветливо сказала Энни, не сумев скрыть волнения, которое промелькнуло у нее при словах Коула.

– Сколько личностей у нее обнаружено? – Коул все еще пытался построить план действий, пытался понять, что его ждет и с чем он имеет дело.

– Три, включая ее. – Задумавшись на мгновение, ответила Энни.

– Так... я увидел три... тени... но со мной разговаривали только две. – Коул постучал пальцами по столу. – А с ней, с самой Джилл вообще возможно поговорить?

– Не знаю. У нее были попытки суицида, но они были вовремя пресечены, да и лекарства вроде помогают. Так... – Энни оборвалась на полуслове. – Ты говоришь их три?

– По крайней мере, я столько увидел. Знаешь, мне нужно поговорить с ней в тот момент, когда она попытается убить себя. – Коул встал и направился к выходу, погрузившись в свои мысли.

– Но... – Энни привстала, желая продолжить разговор, чтобы понять, что у него на уме.

– Я буду с ней все время, которое смогу. Сделай по возможности так, чтоб мне не мешали. – Коул задумчиво осмотрел кабинет еще раз, перед тем, как покинуть его. – Или зови меня.

– Ладно, я приложу все усилия, Коул. – Энни была в замешательстве, но внутренний голос подсказывал ей, что он единственный, кто может помочь Джилл.

Давно она не встречала таких людей, как Коул. Энни верила ему, это чувство было ей хорошо знакомо, но теперь доверяя пациенту, она ощущала себя так, словно не Энни делает снисхождение к нему, а наоборот, пациент, доверяя ей, делает для нее снисхождение.

Это чувство не покидало ее и поздно вечером, когда она, просматривая свои любимые черно-белые фильмы, пила горячий чай. И когда дуновение ветра раздвинуло шторы, ей показалось, что на подоконнике сидит и курит Коул, загадочно улыбаясь.

Когда с небес спустилась ночь и пациенты, даже самые буйные, крепко спали под дурманом лекарств или без него, в глазах Коула еще отражался слабый свет из коридора. Лежа на кушетке, Хоки устало глядел в потолок. Если бы он мог плевать на два метра высоту и если бы сильно хотел, Коул бы непременно этим занялся, но не от безделья, а от сильного желания отвлечься, хоть на секунду забыться.

– Господи... помоги мне. – Сорвалось с его губ.

Он с силой сжал челюсти, мышцы вздулись на его лице. Коул со всей силы сжал одеяло в кулаках. Впервые Хоки чувствовал, что он может быть кому-то нужен, что он нужен сам себе, что его способность видеть их может быть хоть раз в его жизни не проклятьем, а даром, который и есть его предназначение. И впервые, он был так не уверен в себе.

Парадокс, когда человек становится в чем-то, по-настоящему уверен, в голову закрадываются такие сомнения, о которых он раньше ни на секунду не задумывался. Уверенность делает страх ошибки сильнее, он становится почти материальным, его кажется можно почувствовать в воздухе, ведь гораздо неприятнее ошибиться, когда был уверен на все сто процентов.

– Я не знаю... направь меня... хоть кто-то, кем бы ты ни был... – Он говорил негромко, словно медленно вырывал эти слова из груди.

По его щекам покатались молчаливые слезы. Лицо Коула исказилось в гримасе боли, но болели только слезные железы, он буквально выдавливал из себя слезы, и это приносило слабое облегчение в его бессилии.

Каждый день солнце заходило и всходило с одних и тех же сторон. Каждый раз одни и те же лучи тянулись, как одинаковые дни и ночи его жизни. Но каждый раз, смотря на огромный глаз солнца, Коул видел, что-то новое и улыбался. Каждый раз, что-то менялось, там за облаками. А дни его не менялись, одно и то же чувство безразличия давило ему на грудь, будто попытки солнца были тщетны и, как бы оно не цеплялось лучами за этот мир, за душу Коула, оно не могло ничего изменить. Но, что-то в душе, может генетическая память предков, их древнее, неосознанное преклонение перед великим светилом, заставляло его думать о жизни, к которой потерял интерес и улыбаться, глядя на солнце.

Сейчас же он не спал, смотря на луну, блеклое отражение дневного величия солнца, которое никогда не менялось и осознавал, что нашел то что искал, не в солнце и не в себе, а в таких постоянно разных глазах, которые в этом огромном мире, каким-то чудом оказались рядом. Его рассудок не мог понять, как такое возможно, но его душа сразу все поняла. И казалось, что все не так плохо, как есть на самом деле, что все просто не может быть так плохо. Что, возможно, он просто еще не понял, не привык к тому, что хорошее не просто может быть, а оно совсем рядом. А источник его, молчаливо каждый день сидит в углу, безучастно смотря сквозь материю, не осознавая какую силу, содержит в себе, и какую силу разбудил в душе Коула.

Иногда же ему казалось, что он наивно как ребенок радуется новой игрушке, пройдет время и игрушка потеряет былую ценность. Она изменится навсегда, потеряет ауру, а может, изменится он, ослепнет, и не увидит этот ореол, который радовал его детские глаза. Прожитые жизни говорят, что это правда, но никто не может ответить, зачем мы живем. Ради того, чтобы слепнуть? Или ради того, чтобы сохранить свои детские глаза?

Чтобы их сохранить, надо быть хоть чуть-чуть наивным. Тогда жизнь бьет сильнее и чаще, но не закономерная ли это плата за то, чтобы видеть эту силу, заставляющую улыбаться? Спросите у слепого, что бы он отдал за зрение, какую боль бы стерпел? Спросите у «серого» человека, с серой жизнью, чтобы он отдал, чтобы стерпел за то, чтобы видеть детскими глазами?

Ответ очевиден для каждого, и тут не надо искать слепого или «серого». Жизнь, выбивая из нас наивность, все же оставляет улики. И мы их видим, но не замечаем, думая об очередном ударе.

Коул на секунду закрыл глаза и представил ее. Что в ней такого, спросил он у себя. Нельзя сказать, что она понравилась ему из-за каких-либо внешних данных, ведь он даже не видел ее лица, лишь жуткую гримасу теней. Но тот свет, идущий от ее глаз, оживил его душу, и ему все равно как она выглядит. Хоки видит ее детскими глазами. Но боль в ее глазах, не позволяет спокойно даже думать о ней.

Что бы им вдвоем удалось выжить, кто-то должен лишиться себя детских глаз, и смотреть на серый мир, чтобы видеть тени, прячущиеся за яркими красками. Чтобы защитить того, кто будет освещать для него серый мир.

Под утро Коул окончательно принял решение, разобравшись в мыслях. Пусть он наивен, пусть Хоки сошел с ума, но отступать он не будет, даже если Коул выбрал неправильный путь, он уже не свернет, возможно, ему придется умереть, но это не заставит его отказаться от выбранного пути.

Наутро дежурная медсестра в конце отчета сообщила Энни, что Хоки плохо спал, возможно, из-за общения с Джилл. Энни задумчиво покачала головой и отпустила дежурную.

Утром за завтраком в общей столовой, Коул сидел так, чтобы видеть лицо Джилл. Она сидела за противоположным столиком и задумчиво ворошила ложкой густую кашу.

После завтрака всех вывели на прогулку. Ухоженный дворик за белой каменной стеной, обильно засаженный зеленью, был довольно романтичным местом, если не учитывать тот факт, где он находится, и кто по нему гуляет. За зелеными насаждениями ухаживали как персонал, так и некоторые больные, которые таким способом коротали свое время. Единственное дерево напротив окон холла, на котором Коул ожидал появления синички, пока все его мысли не заняла Джилл. Старый дуб, раскинув могучие ветви застывший в грозном приветствии, возможно, был старше здания лечебницы.

На первый взгляд люди находящиеся здесь разительно отличались по психическому состоянию, мировоззрению, возрасту и другим параметрам, по которым люди разделяют друг друга. Но на самом деле это была группа людей, каждый из которых считал себя более нормальным, чем остальные, а прожитую жизнь оригинальной и неповторимой. Но все было куда прозаичнее, ведь больной, не всегда способный самостоятельно нормально сходить в туалет, от которого родственники, в силу тех или иных причин, просто избавились, отдав на попечение лечебницы, ничем принципиально не отличался от сотрудника данного учреждения, которого забыли даже самые близкие люди. Нельзя говорить, что все судьбы здесь были похожи, но контингент, собравшийся здесь, можно было разделить на подобные группы, в которые можно было собрать людей со схожими жизненными линиями. Были, конечно, и оригиналы. Но это место будто притягивало искалеченные души, собирая их в одном месте, словно кунсткамера.

Когда медсестры вывели Джилл на улицу, так как ей самой было все равно, где она и что с ней происходит, Коул сел напротив нее. Он не знал почему, но его тянуло к ней.

Ему хотелось видеть ее, каждую ночь Коул засыпал с мыслями о ней, каждое утро Хоки просыпался с мыслями о том, что Джилл не нужна ему, и он просто сошел с ума. Но день, прошедший с мыслями о ней, приносил только тяжелые мысли о ее положении и желание увидеть ее снова, терзаемый которыми он засыпал. И даже тени отступили перед ее образом, остались лишь те, которые он видел в ней. Она же не замечала его. Глаза Джилл смотрели пустым взглядом сквозь окружающий ее мир.

Тень от облаков, закрывших собой солнце, накрыла собой землю и словно вуалью прикрыла лицо девушки. Лишь ее глаза угольками горели в тени, когда Коулу показалось, что он увидел два ярких лучика. Всматриваясь в них, он не сразу заметил, что впадает в транс. Хоки казалось, что он видит как мерцает свет исходящий из ее глаз, и сам того не замечая он начал чуть заметно покачиваться в такт мерцанию. В его голове наступила мертвая тишина, которая постепенно сменилась голосом, говорящим ему о смерти и бренности жизни. Это был его собственный голос, голос его мыслей.

Коул не заметил, как медленно встав, шатаясь, приблизился к Джилл. Одна из нянек, заметив необычное поведение пациента, окликнула его. Услышав свое имя, Коул не сразу с трудом вырвался из состояния оцепенения и попятился назад. Подавленный, он медленно опустился на свое место и что-то пробормотал в ответ медсестре позвавшей его. Волна неприятных ощущений накатила, на него, как только он пришел в себя. Его голова словно раскалывалась на части, руки дрожали, а сердце бешено стучало, готовясь выпрыгнуть из груди.

Облокотившись на скамью и осознавая, что произошло, Коул недоуменно смотрел на свои трясущиеся руки. Но в голову ничего не шло. Лишь через несколько минут, он догадался, что тени, были в нескольких шагах от того, чтобы захватить контроль и над ним. Коул поднял глаза и посмотрел на Джилл. Она сидела в той же позе, смотря исподлобья и нахмурив брови, слегка приподняв уголки губ с насмешливым выражением лица, а ее взгляд был уставлена прямо на него.

Тучи расходились, но тени на ее лице все так же блуждали, искажая его черты. Взор Коула неспособный заглянуть за них, снова и снова цеплялся за ее глаза, в которых он видел мерцающий свет, манящий его как мотылька. Игра теней и света, сливаясь с игрой его воображения, создавали в его голове мистический завораживающий темный образ, бередающий душу Коула. Джилл лишь изредка бросала темный взгляд на него и, словно смущаясь, отводила глаза. Коул чувствовал энергию, исходящую из глубины ее глаз, и энергия эта не принадлежала теням. В ней не ощущалось ни привычного ему зла исходящего от теней, ни чего либо другого, только борьба, тяжелая и неравная. Но Коул не знал этого.

Что видела она?

Этот вопрос интересовал его больше остальных. Вглядываясь в ее глаза, он пытался увидеть отражение того мира, который представал перед ней, но он не мог видеть в них даже отражение ее души. Лишь пелена теней была доступна его взгляду. Чем дольше Коул смотрел, тем сильнее убеждался в том, что она тоже не видит ничего за темной вуалью. Но тогда ему на ум приходил другой вопрос: «Почему он не видит в ней лишь тьму?»

Коул в задумчивости стучал пальцами по скамье. Глухие металлические удары, приглушались посторонними звуками, но его слух старательно слушал только их.

Внезапно свет в ее глазах стал ярче, Коул машинально замер, приготовившись действовать. Но свет погас так же быстро, как и появился, и Хоки решил, что это лишь игривый солнечный луч.

По возвращении с прогулки Коул занял свое место на подоконнике и принялся наблюдать за Джилл. Он был в напряжении, чувствуя себя «в игре», ощущая, что он снова живет в этом мире, действует, совершает ошибки, разочаровывается, убеждается. И это чувство пробило брешь во тьме, что давила на него со всех сторон.

День медленно перешел в вечер и Коул начал дремать. Периодически его мысли затмевали собой реальность и тогда он, вздрагивая, пробуждался. Сидя на подоконнике, он изредка переводил взгляд с Джилл в окно. Там за окном лучи солнца вырывались из-за линии горизонта и устремлялись ввысь. Птичка не прилетала с тех пор, как появилась Джилл, но Хоки забыл о ней.

В тот момент, когда он снова проваливался в безграничный мир сна и видел, как тени приближаются к нему, шепча грязные слова и уговаривая его умереть, удар, словно слабый электрический разряд, заставил его пробудиться.

Джилл сидя в углу, растерянно озиралась по сторонам, ее взгляд прояснился и в глазах, почти освободившихся от теней, сквозил страх. Коул спрыгнул с подоконника и быстро направился к ней. Весь день, думая об этом моменте, он не знал с чего начать и неожиданно для себя волновался.

– Джилл? – Мягким голосом произнес он, присев напротив.

Она перевела взгляд на него и, приоткрыв рот, замерла на мгновение.

Да. – Слабым почти детским голосом ответила она, придя в себя.

Ее детский просящий о помощи взгляд, сквозь маску теней, искажающую ее лицо, который, казалось, был способен растопить лед в любом сердце, заставил сердце Коула болезненно сжаться.

– Хорошо. – Впервые искренне улыбаясь, ответил Хоки. – Я Коул. Я не знаю надолго ты. Слушай. Борись. Я знаю, кто они, я вижу их.

Вопреки ожиданиям Коула, взгляд девушки стал еще более печальным. И через мгновение она разрыдалась, отмахиваясь от него руками.

– Ты мне не поможешь, ты лжешь! – Джилл сорвалась в истерику.

– Я помогу, обещаю тебе! Слышишь! Клянусь! – Коул схватил ее за плечи, пытаясь взглядом удержать ее.

Она безвольно опустила руки и продолжала рыдать, но не отводила глаз. То, что он увидел, поразило его. Из глубины ее взгляда поднимались темные тени, заволакивая свет, который начал гаснуть, пульсируя, словно в агонии. Он всей душой желал, чтобы эти тени перешли из ее глаз в него и Джилл освободилась. Коул не заметил, как с силой сжал ее хрупкие плечи.

Одна из медсестер заметившая неладное, позвала санитаров, которые оперативно оттащили Коула в сторону. Медсестра же склонилась над Джилл, пытаясь успокоить ее. И девушка успокоилась, так внезапно, что медсестра машинально отпрянула назад.

– Ты не спасешь ее. – Низким голосом сказала Джилл и уставилась в одну точку, на лоб Хоки, смотря прожигающим взглядом.

После этой фразы, она так же быстро перешла в обыденное для нее состояние, превратившись в безвольную куклу. Подошла еще одна медсестра, средних лет, с сильно осветленными волосами.

– Она хоть не пыталась себя убить. – Мрачно сказала подошедшая. – Ваше общество пойдет ей на пользу.

Коул лишь нахмурился и направился в курилку, склонив голову.

Он еще даже не догадывался, что ему придется сделать, чтобы спасти Джилл и в какую игру он вступил. Если бы он знал, то еще несколько раз бы подумал, прежде чем пытаться. Но сейчас он цеплялся за нее сильнее, чем когда-либо цеплялся за жизнь. Да и, по сути, она и была единственной ниточкой связывающей его с жизнью, а не бессмысленным существованием.

Еще раз, взвешивая все за и против, вспоминая, все что узнал в поисках идеального решения, Коул пришел к выводу, что кроме того, что надо верить, он ни в чем не уверен. Поэтому он решил положиться на интуицию, морально готовясь полностью взять на себя ответственность, что бы ни случилось.

Часть V

Интуиция подсказывала Коулу, что раз он все равно не знает что делать, а Джилл борется, то лучшим решением будет ожидание. И он решил ждать. Насколько томительным оно не окажется, Хоки не предпримет ничего нового, пока ситуация не изменится.

Тогда Хоки начал готовиться, как только мог, постоянно обдумывая варианты действий. Начал посещать тренинги, читал, оживленно общался со всеми, с кем мог, стараясь привести в порядок свое сознание. Начал бегать по утрам, посещал тренажерный зал. Мышцы сначала с трудом воспринимали нагрузки, словно сделанные из дерева, боль после занятий не проходила по два-три дня. Но за месяц упорных тренировок тела и разума, Коул привел себя в порядок. Единственное, что он не смог – бросить курить, но Хоки и не сильно хотел.

Тот день, когда Коул сюда попал, темное пятно начинающее отчет его воспоминаний, почти стерся из его памяти. Хоки даже перестал задумывать о том, что не помнит ничего из того, что было раньше. Со стороны казалось, что он вырвался из лап болезни, как и профессор, которому Коул помог. Но его болезнь, как официально называли его состояние, не прошла и даже не угасла, Хоки лишь направил ее в нужное, как он считал русло. Но все равно, Энни искренне переживала за него, а Ирэн неумело скрывала свою радость.

Но Джилл не становилось лучше, и этот факт угнетающе действовал на Коула, каждый день, делая его чуть мрачнее. Каждый день он ждал, не переставая думать о ней, и не сводя с нее взгляд, если она находилась в поле его зрения. Хоки неоднократно пытался заговорить с ней, но она не поддавалась. В определенный момент, он почувствовал, что теряет интерес к тому, что делает и вообще ко всему. Но надежда и сила воли не позволяли ему бросить начатое.

Лишь через два тяжелых и невыносимо долгих месяца, когда жара, стоявшая на улице, перебарывала кондиционеры, когда Коул отказавшись от всяких попыток вырвать Джилл из пелены теней, сидел на подоконнике и смотрел в вечернее небо, она подошла к нему и положила руку на плечо. Он резко повернулся и чуть не подскочил от неожиданности. Мыслительные процессы в его голове остановились, и он смотрел на нее, слегка приоткрыв рот, на мгновение отупевшим взглядом. Неожиданная сила в хрупкой и как казалось сломленной девушке, ослепила раздавленного сомнениями и противоречиями Коула.

А Джилл лишь спросила, своим голосом, навечно запечатленным в его памяти и который он узнает среди миллионов других голосов:

– Ты точно поможешь мне? – Негромко произнесла она, и в выражении ее лица был еле заметен вопросительный оттенок.

Коул хотел ответить, но не смог произнести ни слова. Ноги Джилл подкосились и она, не сдержав падения, начала падать в его сторону. Хоки успел поймать ее, но она уже была без сознания. Девушка вложила в этот вопрос, звоном раздавшийся в голове Коула, все свои силы и не смогла больше бороться.

В этот момент Хоки физически почувствовал ответственность, которую взял на себя, и ему стало не по себе. Он напрягся всем телом, чтобы устоять на задрожавших ногах. Отшагнув назад, он нежно положил Джилл на пол и, позвав Ирэн стоявшую неподалеку, быстрыми шагами направился прочь. От осознания того, что он чуть было не сдался, Коулу хотелось провалиться сквозь землю. Добравшись до своей койки, он повалился на нее и попытался заснуть. Тепло в том месте, куда легла рука Джилл, до глубокой ночи жгло ему плечо.

Теперь хотел он того или нет, Коул отбросил все сомнения и каждый день начинался для него по-новому. Если раньше он готов был бороться, то сейчас, он признавал сам факт того, что будет бороться, и пути назад нет. Он отказался от попытки вспомнить все, что было,

отказался от всякой возможности исцелиться, ведь если его болезнь хоть как-то поможет ему спасти Джилл, то он рад будет погибнуть.

Если раньше Коул просто наблюдал за ней, периодически пытаясь заговорить, то теперь он почти всегда был рядом, не отходя по возможности. Тени в ней были слишком близко к нему, но Хоки боролся изо всех сил. Страх пропал, и если хрупкая девушка может бороться с ними, то, как он, Хоки, может позволить себе проиграть?

В моменты задумчивости, Коул чувствовал, как его мысли становятся чужими, желания смешиваются с тьмой, а настроение пропитывается ртутным налетом меланхолии. Ночные кошмары выбивали из него последние силы, которые он смог сохранить после дня проведенного в борьбе. Но пока тени боролись с ним, они ослабляли свой контроль над Джилл. И Коул это понимал, но и тени тоже. Хоки заметно похудел за неделю, осунулся, руки его начали дрожать, а сигареты почти не уменьшали желания курить. В глазах проявилась легкая искорка безумия, которая пугала Энни и Ирэн, многократно просившую Энни убрать Коула подальше от Джилл.

Но Хоки не останавливался, он читал ей вслух книги, отрывки из Библии, за которые она периодически бросалась на него. Он с остервенением молился за нее, перемешивая свои слова, со словами известных ему молитв. Теперь, если она повторит те же усилия, которые позволили ей подойти тогда к Коулу, то тени не смогут удержать ее.

Хоки боролся, не жалея себя и заметил, что насколько хуже бы ему не становилось, кое-что изменилось – в его воспоминания вернулись цвета и ощущения. И он признался себе, что любит Джилл, и пусть не помнит как это – любить, он чувствует это. Коул не задается вопросом, любит он или лишь влюблен, у него нет выбора, только бежать или бороться.

Через девять ночей, после того, как Джилл подошла к нему, когда Коул как обычно пришел к ней с книгой, на этот раз на обложке красовалось имя писателя – Джек Лондон и под ним, невзрачными буквами, «Повести». Это Энни не смогла отказать Коулу и принесла ему книги из личной библиотеки, и решила, что «Любовь к жизни» входит в число того, что ему стоит прочитать.

Когда Хоки присел на пол рядом, выпрямив ноги и облокотившись на стену, он заметил слабое движение с ее стороны.

– Привет, Джилл. Как ты? – Заговорил он улыбаясь.

Девушка молчала, смотря куда-то вдаль. Коул посмотрел в окно напротив вслед за ее взглядом. Там светлело небо, раскрывая новый день.

– Понятно. Знаешь, сейчас восход. Красиво, облаков нет, и лучи солнца выбиваются, словно из-под земли. – Он посмотрел ей в глаза. – Не хочешь увидеть?

И не ожидая ее ответного молчания, Коул взял ее на руки и понес во внутренний дворик. Одна из медсестер хотела помешать ему, но Энни движением руки остановила ее, сказав ей пару слов. Джилл никак не реагировала на происходящее.

Коул бережно опустил ее на скамью, и сев рядом, посмотрел вдаль. Там за стеной, за холмами и редким лесом, ярко горело небо. Пробуждающийся мир выглядел таким чистым, что Хоки казалось, нет в нем теней, ночных кошмаров, сумасшествия, смерти и даже каких-либо мыслей о ней.

Джилл смотрела туда же куда и он, но казалось, что девушка не видит ничего. Коул лишь заметил, что тени стали светлее, и ему казалось, что это не игры света. Он взял ее правую руку в свою и обхватил ее холодную ладонь своими пальцами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.